

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ЯЗЫКАМ АФРИКИ**

ВЫПУСК 3

Москва – 2009

Редколлегия:

В. . Виноградов (отв. ред.), . И. Коваль, . Б. Шлуинский

Сборник статей по материалам Лингвистической секции

XI КОНФЕРЕНЦИИ ФРИК НИСТОВ

Р ЗВИТИЕ ФРИКИ:

ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕПЯТСТВИЯ

(Москва, 22-24 мая 2008 г.)

Исследования по языкам фрики. Выпуск 3. Сборник статей по материалам лингвистической секции XI конференции африканистов «Развитие фрики: возможности и препятствия» / Отв. ред. В. . Виноградов – М.: Институт языкознания Р Н, 2009. – 304 с.

В статьях сборника рассматриваются различные вопросы фонологии, морфологии, синтаксиса, лексики языков Восточной и Западной фрики в типологическом и историческом аспектах.

Издание рассчитано на специалистов в области африканистики, типологического и общего языкознания.

© Коллектив авторов

© Институт языкознания Р Н

К. В. Бабаев

ТИПОЛОГИЯ СУБЪЕКТНОГО МАРКИРОВАНИЯ В БЕНУЭ-КОНГОЛЕЗСКИХ ЯЗЫКАХ

Настоящая статья исследует основные типы маркирования категории субъекта глагола в различных языках бенуэ-конголезской (БК) семьи, крупнейшего генетического объединения в составе нигеро-конголезской макросемьи языков африканского континента. Данное исследование является продолжением работ автора [Babaev 2008; в печати] в области сравнительно-исторического изучения систем личных показателей в языках бенуэ-конго.

Бенуэ-конголезская семья насчитывает более 950 языков [Lewis 2009] и охватывает обширный ареал Западной, Центральной и Южной фрики. Около 80% этого ареала, однако, занимают более пяти сотен языков семьи банту, входящих в состав бенуэ-конго, в то время как языки всех остальных ветвей сконцентрированы в компактном районе южной части Западной фрики, в основном на территории Нигерии, а также частично Того, Бенина, Камеруна. Подобная плотность языков, учитывая их довольно отдалённую степень родства друг с другом, позволила исследователям [Williamson 1989: 272] предположить, что прародина народов БК семьи находилась в районе слияния рек Нигер и Бенуэ, на территории современной Нигерии. Отсюда в доисторическое время – возможно, около 6 тыс. лет назад [Williamson 1988: 104] начались миграции бантуязычных народов на восток, а впоследствии и на юг континента, в то время как другие народы семьи оставались преимущественно в рамках первоначального языкового ареала. Таким образом, сегодняшний ареал распространения БК языков можно условно разделить на две зоны по историческому принципу: центральное ядро включает в себя Нигерию и большую часть Камеруна, а также района Бенина и Того, в то время как периферией можно назвать страны Восточной и субэкваториальной фрики, где распространены языки банту.

Состав БК семьи, хотя и остаётся предметом дискуссии среди африканистов, был уточнён в работе К.Уильямсон и Р.Бленча [Williamson & Blench 2000], и на сегодняшний день она выглядит следующим образом (Схема 1).

Схема 1. Генетическая классификация языков бе́нуэ-конго.

Системы маркирования глагольного субъекта в языках БК семьи до последнего времени никогда не изучались в комплексе. Отдельные работы были посвящены лишь сравнительному либо сопоставительному анализу систем языков отдельных семей (напр. [Shimizu 1971-1980] о джукуноидных языках), большинство же работ содержит лишь синхронное описание систем личных показателей конкретных языков. В этой связи, представляется необходимым провести целостный анализ типологии субъектного маркирования на уровне всей языковой семьи, составить предварительную классификацию типов морфологических конструкций, что, безусловно, будет полезным в дальнейшем и для типологического, и для сравнительно-исторического исследования языков фрики.

Прежде всего необходимо отметить, что маркирование субъекта глагола является обязательным во всех языках БК семьи. На уровне внешнего сравнения справедливо признать, что среди нигеро-конголезских языков встречаются и типы структуры, где субъект маркируется лишь в ограниченном количестве случаев (напр. во

многих языках догон). Однако в БК языках таких примеров не зафиксировано. Система личных показателей в целом играет очень важную роль в морфологии: помимо субъекта, в абсолютном большинстве БК языков маркируется также прямой объект, а во многих случаях и косвенный.

Фундаментальное синтаксическое различие между языками БК состоит в наличии связанного или независимого субъектного маркера в предложении. Как и в других языках мира, субъект глагола может быть выражен независимым личным местоимением или связанным показателем в рамках глагольной словоформы. Этим показателем может быть почти исключительно префикс, т.е. субъект всегда маркируется в левой части словоформы, перед глагольным корнем. Случаи постглагольного оформления субъектного маркера чрезвычайно редки и упомянуты ниже.

Префиксальное субъектное маркирование характерно для языков, которым свойственен в целом синтетический строй морфологии. Наиболее характерен этот тип для языков банту, входящих, согласно ареальной классификации М.Гасри [Guthrie 1967-71], в состав зон D-T, т.е. всего ареала банту, за исключением северо-западных зон А, В и (частично) С. Языки банту характеризуются сложной глагольной словоформой, в состав которой входят показатели как личного спряжения, так и аспектно-темпоральных и модальных значений. В глаголе банту личный показатель субъекта выражен префиксом, занимающим одно из первых мест в глагольной словоформе. Д.Нёрс следующим образом описывает структуру такой словоформы глагола [Nurse 2007: 375]:

[Pre-SM] + **SM** + NEG2 + TA + [OM + [[root + extension] + FV]] + Post-FV¹

В качестве типичного примера можно привести глагольную форму языка суахили:

¹ SM субъектный показатель, NEG показатель негатива, TA видо-временной маркер, OM объектный показатель, FV конечная гласная

- (1) Ni-lim-so-m-esh-a
1SG.SUBJ-PAST-3SG.OBJ-читать-CAUS-NTR
'Я заставил его читать' [Ксёнова 2003: 43].

Среди БК языков центрального ареала связанные глагольные показатели можно отметить также в изолированном языке око, где структура и состав морфем субъектного маркирования имеет существенные сходства с языками банту, а также в ряде джукуноидных языков.

Иная структура преобладает в центральной зоне БК ареала, где большинство языков демонстрируют независимые местоимения в качестве маркеров глагольного субъекта. Такими являются около 80% языков банту зоны А, около 40% зоны В и около 20% зоны С, включая подгруппы А40-А80, В20, В70, С20 [Nurse & Philippson 2003: 177]. Языки с независимыми маркерами субъекта включают в себя также абсолютное большинство групп бантоидных языков, большинство языков кросс-ривер (за исключением подгруппы Дельты), а также платоидные, каинджи, эдоидные (кроме дегема), дефоидные, игбоидные (кроме экпейе), идомоидные (кроме элои). Пример из языка нен (банту) показывает структуру предложения с полностью аналитической финитной глагольной конструкцией:

- (2) mé sǎ nd á ńó ból indi
1SG.SUBJ NEG FUT сюда 2SG.OBJ вещь дать
'Я тебе никогда ничего не дам' [Mous 2003].

Ситуация осложняется неясным статусом ряда языков, о которых на сегодняшний день сложно определённо сказать, являются ли их личные показатели независимыми, связанными или занимают промежуточное положение глагольных клитик.

Процесс клитизации ранее независимых личных местоимений наблюдается во многих языках БК семьи. Так, в тех языках западной ветви БК семьи, где субъект маркируется глагольным префиксом, нередко заметно его происхождение из ранее независимых местоимений: последние при этом продолжают употребляться в предложении в качестве маркеров объекта или эмфатического субъекта.

Такова ситуация, к примеру, в языке хони (джукуноидные). В других же, как в уже упомянутых око (изолят) или дегема (эдоидные), префиксальные субъектные показатели генетически связаны с личными префиксами банту и, судя по всему, представляют собой реликты древнего префиксального спряжения БК праязыка [Babaev 2008].

Интересным развитием маркирования субъекта в предложении является использование т.н. «повторных» местоимений («recapitulative or repeating pronouns») в целом ряде языков центральной Нигерии (а именно платоидных, каинджи и джукуноидных). Субъектное местоимение в предложении повторяется дважды: перед глаголом и сразу же за ним, в качестве суффикса или, шире, независимого местоимения. Эта конструкция может иметь различные значения. Она сопровождает только непереходные или отрицательные глаголы, как в мигили (платоидные) и кенте (джукуноидные). В изере (платоидные) она появляется только во множественном числе:

- (3) in rus in agabu
2.PL бить 2.PL собака
'Вы бьёте собаку'.

В языке вапан (джукуноидные) та же конструкция используется для маркирования неожиданного, непредполагаемого действия, ср. (4а) и (4б):

- (4) а. Be ci zhenzhen kù
3.PL POS король род
'они королевского рода' (нейтрально)
б. Be ci bé zhenzhen kù
3.PL POS 3.PL король род
'Они королевского рода (хотя никто этого не предполагал бы)'.

Повторные местоимения, следующие за глаголом, являются ареальной чертой, присущей некоторым неродственным языкам центрального Судана, включая языки семьи адамауа-убанги (напр. гбая, санги) и чадские. Происхождение этой особенности не выявлено

[Gerhardt 1989: 374], хотя можно предположить, что в БК языках таким образом создаётся новая система субъектного маркирования глагола с помощью личного суффикса. Именно такая система сформировалась в языке элеме (кросс-ривер), что является пока единичным примером суффиксального маркирования субъекта:

- (5) òbàù dose dé-í ñ̀ja
 2PL.SUBJ быть.должным есть-2PL.SUBJ пища
 ‘Вы должны есть пищу’ [Bond 2003].

Процесс замены более архаичных субъектных префиксов на независимые местоимения также имеет место в языках БК семьи. В основном в качестве новых независимых субъектных маркеров выступают здесь эмфатические местоимения, существующие в том числе и в тех языках, где немаркированный субъект является частью словоформы. Серия эмфатических местоимений есть и в банту, и именно они являются субститутами префиксов в случае их выпадения – как в языках зоны . В целом ряде БК языков мы можем фиксировать переходную стадию, когда для выражения субъектного значения параллельно используются и личное (ранее эмфатическое по значению) местоимение, и глагольный префикс, напр. в дегема:

- (6) méε m̩-ḿ̩ n̩ ʃi
 1SG.SUBJ 1SG.SUBJ-видеть 3SG.OBJ
 ‘Я его видел’ [Kari 2007: 92].

Подобная конструкция по форме аналогична франц. ‘я его видел’, с той лишь разницей, что никакой эмфазы субъекта приведённое предложение дегема не несёт. Диахронически подобная конструкция грамматикализуется в различных БК языках до уровня аналитического субъектного маркирования после выпадения префикса.

Таким образом, языки БК семьи демонстрируют различные фазы процесса грамматикализации субъектных маркеров, которые сравнительно-исторический анализ может помочь расставить в хронологи-

ческом порядке, определив более архаичные и более инновационные черты синтаксиса глагольного субъекта.

Типологически можно выделить некоторые основные категории в системах субъектного маркирования различных языков бенуэ-конго. В настоящей работе эти категории будут кратко рассмотрены по очереди.

1. Глагольный субъект прежде всего обладает категорией **лица**. В языках БК семьи наиболее явственное выражение имеют первое и второе лицо, т.е. непосредственно говорящий и адресат, в то время как третье лицо далеко не во всех языках маркируется личным показателем. Широко известная типологическая черта местоименных систем множества языков мира – противопоставление двух первых лиц глагола третьему, т.н. «не-лицу», распространена и в языках бенуэ-конго. Это выражается прежде всего в том, что вместо показателя третьего лица субъекта используется показатель соответствующего именного класса, к которому относится данный субъект. В случае, если субъект – человек, в языках банту и многих бантоидных его обозначает маркер I класса имён, для неодушевлённых предметов – аффиксы других классов.

Соответственно, в формах 3 л. множественного числа используется классный показатель, обозначающий множественность предметов соответствующего класса. В частности, в качестве местоимения 3 л. во многих языках бенуэ-конго (в основном восточных) употребляется префикс II класса, играющий роль наиболее распространённого плюрального показателя для класса лиц.

В других языках бенуэ-конго на синхронном уровне мы видим выделение показателей 3 л. из системы классных аффиксов и присоединение их к парадигме субъектного спряжения глагола. В таких языках материальная форма маркера 3 л. фонетически трансформируется и не воспринимается более носителями языка как тождественная классному показателю, хотя на диахроническом уровне можно довольно легко показать их общее происхождение. Парадигма спряжения, состоящая из трёх лиц, является в языках бенуэ-конго

инновацией, в то время как более архаичной является система спряжения из двух лиц.

2. Субъектные показатели характеризуются также категорией **числа**. В подавляющем числе языков бенуэ-конго, в т.ч. во всех языках банту, показатели лица и числа выступают кумулятивно, в рамках единого маркера с двойным синтаксическим значением.

Вместе с тем в ряде западных БК языков, а также в некоторых платоидных и кросс-ривер показатели множественного числа субъекта представляют собой заметную контаминацию показателя множественности и маркера соответствующего лица единственного числа, напр. кукеле (семья кросс-ривер) 'ты', 'вы' [Preston 1854: 12] где является наиболее распространённым в БК языках префиксом множественного числа.

Нередким явлением можно назвать присоединение префикса к показателю 1-2 лица мн.ч. с целью усиления значения множественности. Оно наблюдается как в языках банту: туба (Н10А) 'мы' vs. часу (G22) id., так и в бантоидных языках: тив 'мы', кеньянг , но нони id.

Субъектные показатели большинства БК языков характеризуются противопоставлением двух чисел. Вместе с тем, отдельные языки демонстрируют и наличие двойственного числа – категорию сравнительно недавнюю по происхождению. Среди языков банту выражение двойственности мы находим лишь в нескольких языках зоны , напр. макаа 'мы двое'. В соседних с зоной банту бантоидных языках это явление уже можно назвать достаточно распространённым, оно встречается в мамбилоидных языках [Perrin 1980 (1973)] и различных диалектах группы грассфилдс – в частности, лимбум [Fiore & Peck 1980 (1973)], ламнсок [Grebe & Grebe 1980 (1973)], йемба [Harro & Haynes 1991]. За пределами же данного ареала (восточной границы Нигерии и Камерун) двойственное число личных показателей засвидетельствовано нами лишь в языке к'лела семьи каинджи [Rikoto & al. 2002]. Повсюду в указанных языках формы двойственного числа субъектных показателей образованы от тех же корневых лексем, что и формы множественного числа, отличаясь от

последних лишь огласовкой или иным расширением, в котором нередко улавливаются следы контаминации нескольких старых показателей: напр., йемба ‘мы двое’ очевидно происходит из сочетания ‘мы’ и ‘ты’. Типологически широко известный процесс формирования дв.ч. из срачивания форм 1 и 2 лица [Бабаев 2008], таким образом, подтверждается и на материале БК языков.

3. Тесно связанной с категорией двойственности является и категория **инклюзивности / эксклюзивности**. Достаточно отметить, что формы двойственного числа зафиксированы лишь в тех языках, где субъектные показатели 1 л. мн.ч. также противостоят друг другу по инклюзивности / эксклюзивности. Однако последняя категория распространена шире. Среди языков банту её ареал – опять же языки зоны (акоосе 15, макаа 83, конзиме 84), а также отдельные спорадические примеры из других зон (напр. гирьяма E72). Среди бантоидных языков данная категория является типичной для всех подгрупп группы грассфилдс (языки йемба, бамилеке, ком, ламнсок, бамум, агем и другие), а также мамбилоидных (мамбила) и бебоидных (нони) языков. Среди языков кросс-ривер инклюзивные субъектные местоимения есть в абуа (подгруппа Дельты) [Gardner 1976 (1966/67)], а среди языков каинджи – в хун-сааре [Cressmann & Skitch 1980 (1974)] и пор. Наконец, среди западных БК языков удалось отыскать лишь один пример а именно язык экпейе, относящийся к группе игбоидных языков Нигерии [Clark 1976].

Категория инклюзивности / эксклюзивности, как и двойственное число, является ареальной инновацией, возникшей на этапе независимого развития отдельных языков или групп языков. Она образуется контаминацией двух местоимений (йемба ‘мы (инкл.)’ < ‘мы (экскл.)’ + ‘вы’) либо добавлением дополнительных формантов (экпейе ‘мы (экскл.)’ vs. ‘мы’ (экскл.)). На праязыковом уровне данная категория не реконструируется.

4. Субъектные показатели могут принимать на себя и другие глагольные категории. Например, в ряде БК языков они обладают категориями **вида и / или времени**, когда различные серии личных

маркеров употребляются в зависимости от видо-временной формы глагола.

Это явление почти не засвидетельствовано в банту (за исключением, быть может, личного префикса прошедшего времени в языке луяна [Nurse 2007]), однако играет существенную роль, к примеру, в соседних языках кросс-ривер, где показатели субъекта при перфективном глаголе отличаются от показателей при нейтральном (имперфективном): бекварра ¹ (префикс 1 л. ед.ч. субъекта) vs. (1 л. ед.ч. субъекта перфектива) [Stanford 1976 (1973): 83]. В эдоидном языке убние мы видим противопоставление показателя прогрессива формам со всеми остальными значениями: ‘я’ ‘я (прогр.)’ [Omatog 1988]. Схожая ситуация в языке игала (дефоидные) [Philpot 1935].

В бантоидном языке джарава огласовка личного местоимения меняется в зависимости от времени действия глагола: ‘я’ (наст., буд.) (прош.) [Lukas & Willms 1961]. В языке йесква (западно-платоидные) видо-временных серий местоимения 1 л. ед.ч. ещё больше: (наст. время) (прош. время), (буд. время), (прогрессив), (условное накл.) [Blench 2008b]. В изолированном языке око функционируют две серии субъектных префиксов, четко противопоставляющих прогрессив перфективу [Atóyèbí 2008]:

	перфектив	прогрессив
1sg.		
2sg.		
1pl.		
2pl.		

Во всех таких языках формы с различными видовыми значениями образованы от одних и тех же местоименных корней, различаясь в основном огласовкой или тоном, что заставляет предполагать, что созданы они путём присоединения к субъектному показателю видо-

¹ Символом обозначен т.н. «нейтральный» носовой показатель, реализуемый как или в зависимости от фонетического окружения.

вого маркера. логичные случаи известны и в других нигеро-конголезских языках: ср. парадигмы местоимений в лоома (семья манде):

- базовая серия (нейтральные): 'я', 'мы (инкл.)', 'они';
- серия будущего 'я', 'мы (инкл.)', 'они';
- серия хабитуалиса 'я', 'мы (инкл.)', 'они', и т.п. [Sadler 2006 (1949)].

Образование видо-временных форм субъекта от супплетивных основ зафиксировано в БК языках реже, напр. в языке изере (центрально-платоидные) 'я' (наст. время), 'я' (прош. время) [Blench & Kaze 2006].

5. Примерно так же, как и видо-временные формы, различаются и формы субъектных маркеров там, где они обладают категорией **отрицательности**. Отрицательные личные показатели сравнительно часто встречаются в языках БК, здесь говорить об их узком ареальном характере не приходится. В частности, они фиксируются в первом лице в ряде языков банту: ламба (M54) утвердительный префикс 1 л. ед.ч., отрицательный. Тот же субъектный отрицательный показатель мы видим в тонгве (F11). Указанные формы скорее всего образованы слиянием личного показателя с маркером отрицания (Nurse 2007: 379): подобное слияние выглядит вполне естественно, учитывая, что позиции обоих типов показателей в рамках словоформы граничат друг с другом. В языке леке (C14) отрицательный показатель 1 л. ед.ч. образован повышением тона.

В языках кросс-ривер (подгруппа Дельты) отрицательные маркеры образованы удлинением гласного звука (легбо 1 л. ед.ч.) или сменой огласовки (ибибю 2 л. ед.ч. (утверд.) (отриц.) [Cook 1976 (1968)]). В языке элеме (подгруппа огони) отрицание меняет показатель на супплетивный во всех лицах и числах: 1 л. ед.ч. утверд. отриц. [Bond 2003, 2006].

В других группах БК семьи отрицательное маркирование показателя субъекта зафиксировано спорадически: в хун-сааре (каинджи) [Cressmann & Skitch 1980 (1974)], дегема (эдоидные) [Kari 2007], йоруба (дефоидные) [Bamgbose 1966], нупе-тако (нупоидные) [Smith

1980]. В некоторых из них противопоставление ограничено первым лицом единственного числа. Категория выражена преимущественно с помощью изменения тона или огласовки субъектного показателя.

б. Наконец, нельзя не упомянуть ещё раз более детально категорию **эмфазы**, присущую практически всем группам языков, входящих в состав БК семьи. В большинстве из них различаются две серии субъектных показателей: собственно предикативная форма, маркирующая финитный глагол, и эмфатическая, могущая играть самостоятельную роль в предложении. Последняя, естественно, выражена независимыми местоимениями даже в тех языках, которые обладают синтетическим строем морфологии. Так, в языках банту наряду с субъектными префиксами практически повсеместно существуют независимые эмфатические местоимения, выраженные преимущественно супплетивными формами, как напр. в гереро (R31) [Elderkin 2003: 590-591]:

	субъектное	эмфатическое
1 ед.	mbi-	àmì
2 ед.	-ù-	òvè
1 мн.	tù-	ètè
2 мн.	mù-	èpè

Различия между эмфатическим местоимением и субъектным префиксом размываются в тех языках, где на месте префиксов мы видим независимые местоимения, т.е. в большинстве языков центральной зоны. При этом заметно, что эмфатические местоимения повсюду характеризуются общей фонетической композицией VCV (реже SVCV), где финальный элемент CV выступает также в роли объектного или посессивного показателя, а начальный гласный элемент V, по-видимому, и является маркером эмфазы.

Впрочем, эти и другие вопросы требуют более глубокого изучения не только синхронного состояния БК субъектных показателей, но и исторического развития их форм и значений от праязыка до наших дней. Тем не менее, без комплексного описания типологии гла-

гольных показателей в БК языках корректная реконструкция была бы несоизмеримо сложнее.

Литература

- ксёнова И. С. 2003. Глагол в языках банту // Основы африканского языкознания. Глагол. М.
- Бабаев К. В. 2008. Происхождение индоевропейских показателей лица. М. – Калуга.
- Atóyèbí J. D. 2008. Morphophonemic Determination of Person Forms in Òko // Newcastle Working Papers in Linguistics, University of Newcastle. Vol. 14.
- Babaev K. 2008. Reconstructing Niger-Congo Personal Pronouns I: Proto-Bantoid // Journal of West African Linguistics. Vol. XXXV: 1-2.
- Babaev K. 2010. Reconstructing Niger-Congo Personal Pronouns II // Africana Linguistica, vol. XVI. В печати.
- Bamgbose A. 1966. A Grammar of Yoruba. West African Languages Monographs, 5. Cambridge.
- Blench R. 2008. The Nyankpa (Yeskwa) Language of Central Nigeria. Manuscript. <http://www.rogerblench.info>.
- Blench R., Kaze B. B. 2006. A Dictionary of the Izere Language of Fobur. Manuscript. <http://www.rogerblench.info>.
- Bond O. 2003. Personal Inflection in Eleme. Manuscript.
- Bond O. 2006. A Broader Perspective on Point of View: Logophoricity in Ogonoid Languages // Mugane J. et al. (ed.). Selected Proceedings of the 35th Annual Conference on African Linguistics. Somerville.
- Clark D. E. 1976. Izi // Kropp Dakubu M. E. (ed.). West African Language Data Sheets. Vol. 1. Legon – Leiden.
- Cook, T. L. 1976 [1968]. Efik // Kropp Dakubu M. E. (ed.). West African Language Data Sheets. Vol. 1. Legon – Leiden.
- Cressmann E., Skitch D. 1980 [1974]. Duka // Kropp Dakubu M. E. (ed.). West African Language Data Sheets. Vol. 2. Legon – Leiden.
- Elderkin E. 2003. Herero (R31) // Nurse D., Phillipson G. (eds.). The Bantu Languages. London – New York.
- Fiore L., Peck P. 1980 [1973]. Limbum // Kropp Dakubu M. E. (ed.). West African Language Data Sheets. Vol. 2. Legon – Leiden.
- Gardner I. 1976 [1966/67]. Abua // Kropp Dakubu M. E. (ed.). West African Language Data Sheets. Vol. 1. Legon – Leiden.
- Gerhardt L. 1989. Kainji and Platoid // Bendor-Samuel J. The Niger-Congo languages, Lanham – New York – London.

- Grebe, K., Grebe W. 1980 [1973]. Lamnsoq // Kropp Dakubu M. E. (ed.). West African Language Data Sheets. Vol. 2. Legon – Leiden.
- Guthrie M. 1967-1971. Comparative Bantu. An Introduction to the Comparative Linguistics and Pehisotry of the Bantu Languages. Vols 1-4. Farnborough.
- Harro G., Haynes N. 1991. Grammar Sketch of Yemba. Yaoundé: SIL Cameroon.
- Kari E.. 2007. Vowel Harmony in Degema, Nigeria // African Study Monographs. Vol. 28(2). Kyoto.
- Lewis M.P. (ed.). 2009. Ethnologue: Languages of the World, Sixteenth edition. Dallas, Tex.: SIL International. Online version: <http://www.ethnologue.com>.
- Lucas J., Willms A. 1961. Outline of the Language of the Jarawa in Northern Nigeria (Plateau Province) // Afrika und Übersee. Vol. 45. No. 1-2.
- Mous M. 2003. Nen // Nurse D., Phillipson G. (eds.), The Bantu Languages. London – New York.
- Nurse D., Phillipson G. 2003. Towards a Historical Classification of the Bantu Languages // Nurse D., Phillipson G. (eds.). The Bantu Languages. London – New York.
- Nurse D. 2007. Tense and Aspect in Bantu. Oxford.
- Omamor A. 1988. Okpe and Uvwie: a Case of Vowel Harmony Galore // Journal of West African Languages. Vol. 18. No. 1.
- Perrin M. 1980 [1973]. Mambila // Kropp Dakubu M. E. (ed.) West African Language Data Sheets. Vol. 2. Legon – Leiden.
- Philpot W. T. A. 1935. Notes on the Igala Language // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. Vol. 7.
- Preston B. 1854. A Grammar of the Bak\{u\{e\}le Language, with Vocabularies. New York.
- Rikoto B., Senchi P., Dettweiler, Steve, Dettweiler, Sonia. 2002. K'Batksa: C'Lela—C'Turanci—C'Gana Dictionary. Lelna Language Development / Translation Association.
- Sadler W. 2006 [1949]. A complete analysis of the Looma language // Mandenkan. Vol. 42.
- Shimizu K. 1971-1980. Comparative Jukunoid. Vols 1-3. Vienna: Afro-Pub.
- Smith N. 1980 [1967]. Nupe // Kropp Dakubu M. E. (ed.) West African Language Data Sheets. Vol. 2. West African Linguistic Society.
- Stanford B. 1976 [1973]. Bekwarra // Kropp Dakubu M. E. (ed.). West African Language Data Sheets. Vol. 1. Legon – Leiden.
- Williamson K. 1988. Linguistic evidence for the prehistory of the Niger Delta // Alagoa E. J., Anozie F. N., Nzewunwa N. The early history of the Niger Delta. Hamburg.

- Williamson K. 1989. Benue-Congo Overview // Bendor-Samuel J. (ed.). The Niger-Congo languages. Lanham – New York – London.
- Williamson K., Blench R. 2000. Niger-Congo // Heine B., Nurse D. (eds). African Languages – An Introduction. Cambridge.